

Высшее профессиональное образование

ЗАРУБЕЖНАЯ ЛИТЕРАТУРА И КУЛЬТУРА ЭПОХИ ПРОСВЕЩЕНИЯ

Учебник

Педагогические
специальности

ЗАРУБЕЖНАЯ ЛИТЕРАТУРА И КУЛЬТУРА ЭПОХИ ПРОСВЕЩЕНИЯ

УЧЕБНИК

Допущено
Учебно-методическим объединением
по направлениям педагогического образования
Министерства образования и науки РФ
в качестве учебника для студентов высших учебных заведений,
обучающихся по направлению «Филологическое образование»

ACADEMA

Москва

Издательский центр «Академия»

2010

УДК 82.09(075.8)

ББК 84я73

3-356

Авторы:

В. Д. Алташина, И. В. Лукьянец,
Л. Н. Полубояринова, А. А. Чамеев

Рецензенты:

зав. кафедрой Санкт-Петербургского университета культуры, профессор,
доктор филологических наук *В. Я. Гречнев*;
зав. кафедрой романо-германских языков Балтийского государственного
технического университета («Военмех») им. маршала Д. Ф. Устинова,
доцент, кандидат филологических наук *Н. В. Тимофеева*

Зарубежная литература и культура эпохи Просвещения :
3-356 учебник для студ. учреждений высш. проф. образования /
В. Д. Алташина, И. В. Лукьянец, Л. Н. Полубояринова, А. А. Чамеев. — М. : Издательский центр «Академия», 2010. — 240 с.

ISBN 978-5-7695-6927-2

В учебнике определяются философские и эстетические основы Просвещения как традиционалистского типа художественного сознания. Формулируются основные понятия, рассматривается специфика развития эпических, лирических и драматических жанров в европейских странах (Англия, Франция, Германия). Прослеживается их преемственность и потенциальное развитие. Художественная литература рассматривается в историко-поэтическом, сравнительно-типологическом и культурологическом аспектах.

Для студентов филологических факультетов высших профессиональных учебных заведений.

УДК 82.09(075.8)

ББК 84я73

*Оригинал-макет данного издания является собственностью
Издательского центра «Академия», и его воспроизведение любым способом
без согласия правообладателя запрещается*

© Алташина В. Д., Лукьянец И. В., Полубояринова Л. Н.,
Чамеев А. А., 2010

© Образовательно-издательский центр «Академия», 2010

ISBN 978-5-7695-6927-2

© Оформление. Издательский центр «Академия», 2010

АНГЛИЙСКИЙ РОМАН

Дефо

Основоположником английского (да и европейского) просветительского романа по праву считается **Даниель Дефо** (1660—1731). Дефо — фигура, в высшей степени характерная для эпохи Просвещения, для буржуазного, идеологичного, верящего в исторический прогресс XVIII века. Дефо вступил в литературу сравнительно поздно, будучи уже вполне зрелым человеком, и отнюдь не вследствие страсти к словесному творчеству. Сын небогатого лондонского торговца Джеймса Фо (очевидно, стыдившийся своего скромного происхождения и потому прибавивший к отцовской фамилии аристократическую приставку «де»), Дефо с молодых лет готовился к духовной карьере и по настоянию отца даже окончил частную протестантскую школу. Однако священником он не стал, а, подобно своему отцу, избрал коммерческую стезю — и в течение всей своей жизни занимался то торговлей вином, табаком и трикотажем, то производством кирпича и черепицы, то страхованием кораблей, то разведением мускусных кошек на собственной кошачьей ферме. История его деловых предприятий — это в миниатюре история расцвета буржуазной экономики Англии на рубеже XVII—XVIII столетий. Рискованные коммерческие затеи Дефо часто завершались банкротством, и над ним не раз нависала угроза долговой тюрьмы.

Судеб таких изменчивых никто не испытал,
Тринадцать раз я был богат и снова беден стал —

такие строки напишет он спустя время, подводя некий итог связанным с коммерцией превратностям своей жизни. Занимаясь предпринимательством, Дефо изездил верхом почти всю Англию, не раз бывал за границей (в Испании, Италии, Франции, Баварии) и обрел в этих путешествиях широкий кругозор и богатый жизненный опыт, практическое знание жизни.

Лишь в 90-е гг. XVII в., когда ему было уже за тридцать, Дефо нашел себя еще и на писательском поприще. Он стал поэтом-сатириком и публицистом, а затем и журналистом, с головой окупаясь в политические и религиозные споры того времени, в «памфлетные войны», выступал в защиту конституционной монархии и буржуазного строя, прославляя частную инициативу и свободное предпринимательство. Дефо был прирожденным публицистом и журналистом, великолепным пропагандистом новых идей; он, как никто другой, умел заинтересовать читателя броским заголовком, дерзким проектом, смелым разоблачением сенсационных политических тайн (которые порой сам же и выдумывал). Одна из подобных мистификаций вышла ему боком. В конце 1702 г., в ответ на усилившиеся преследования пуритан-диссидентов (к которым принадлежал и сам Дефо), он опубликовал памфлет-мистификацию «Кратчайший способ расправы с диссидентами», где от имени фанатика-реакционера призвал власти, не раздумывая, отправлять на эшафот всех противников официальной англиканской церкви. Откровенно бредовые требования неизвестного автора поначалу были приняты за чистую монету, вызвали одобрение церковников и смятение в пуританской среде. Вскоре, однако, и те и другие вчитались в текст памфлета внимательнее, распознали его сатирический смысл, и началось уголовное расследование по установлению авторства. Дефо был изобличен и объявлен в розыск. Несколько месяцев он скрывался и предпринимал попытки эмигрировать с семьей в Шотландию, но в конце концов в мае 1703 г. был арестован по доносу и заключен в Ньюгейтскую тюрьму. По решению суда, состоявшегося в июле, автор памфлета был приговорен к крупному денежному штрафу, троекратному выставлению у позорного столба и тюремному заключению на неопределенный срок, с возможностью выйти на свободу «по благоусмотрению королевы». На деле Дефо был освобожден уже через четыре месяца благодаря содействию премьер-министра Роберта Харли. С этого момента для Дефо началась сложная двойная жизнь. В обмен на свое освобождение Дефо вынужден был стать главой секретной службы кабинета министров, служить правительственным агентом в пуританской среде, поддерживать правительство «словом и пером». В качестве шпиона Роберта Харли он под чужим именем, под видом безобидного английского торговца проводит в 1706—1707 гг. несколько месяцев в Шотландии, где готовит общественное мнение к предстоящему объединению двух королевств. Тайная служба, на которой Дефо состоял не одно десятилетие, сотрудничая то с правительством вигов, то с правительством тори, — разумеется, не лучшая страница в его биографии. Она принесла ему дурную репутацию у современников — репутацию продажного, беспринципного писаки, который меняет убеждения как перчатки и готов служить любому, кто в этот момент находится у власти. Но эта же служба дала ему финансовую

независимость, позволив издавать, начиная с 1704 г., общественно-политическую газету «Обозрение». Газета выходила три раза в неделю вплоть до 1713 г., и автором почти всех материалов, опубликованных в ней, был сам Дефо. Параллельно он пишет огромное количество сочинений по вопросам экономики и торговли, политики и истории, географии и правоведения. Здесь и «История войн Карла XII» (1715), и «История жизни и деяний Петра Алексеевича, нынешнего царя Московии» (1723), и «Всеобщая история торговли» (1713), и «Всеобщая история пиратства» (1724—1728), и «План развития английской коммерции» (1728), и «Дневник Чумного года» (1722) — о великой Лондонской чуме 1665 г., и «Отчет об истории и реальности привидений» (1727), и «Политическая история дьявола» (1726), и «Путешествие по всему острову Великобритании» (1724—1726), и, наконец, «Надежный план по немедленному предотвращению уличного воровства» (1730). Львиная доля этих сочинений издавалась анонимно, и потому сказать определенно и достоверно, сколько же всего произведений написал Дефо, и на сей день не представляется возможным. Указатель сочинений Дефо, составленный Дж. Р. Муром в 1960 г., содержит 547 наименований, но с тех пор некоторые атрибуции исследователями уже отвергнуты, зато добавлены новые. Важно, впрочем, другое. Сами названия этих сочинений говорят о том, что, создавая их, Дефо преследовал не художественные, а, прежде всего, *практические* цели — образовательные, воспитательные, реформистские. Он был *просветителем* в буквальном смысле этого слова и видел смысл своей писательской деятельности в ее общественной направленности, в скорейшем проведении высказанных им идей в жизнь. Так понимал задачи литературы не только Дефо-публицист, но и Дефо-беллетрист, чьи первые романы появились на рубеже 1710—1720-х гг.

Публицистику и художественную прозу Дефо роднит также это особая *псевдодокументальная*, «репортерская» манера письма, выработанная еще в период журналистской работы, и естественным образом: идет ли речь о промышленности или о визите привидения, о необитаемом острове или о великосветских салонах XVII в. — он повествует об этом с протокольной точностью очевидца, с обилием деталей и подробностей, повествует сухо, бесстрастно, деловито; о чем бы он ни рассказывал, он избирает для этого тон, которым принято сообщать *факты*, — и читателя убеждает в истинности сообщаемого не столько *правдивое содержание* рассказа, сколько именно *правдивость* авторской *интонации*.

Все романы Дефо написаны от первого лица, везде повествование ведется от имени самих главных героев, и уже это придает его сюжетам иллюзию достоверности. В названии почти каждого его романа значится: «написано им самим» или «написано по ее собственным заметкам», — и на читателей того времени такие утверждения действовали неотразимо. Правдивость рассказа под-

черкивается также *предельной подробностью и скрупулезной точностью* описаний: Дефо не забывает упомянуть о самых, казалось бы, незначительных мелочах повседневной жизни героев; сочиняя книгу, он руководствуется принципом: если что-то произошло, об этом должно быть сказано в соответствующем месте повествования. Это касается, правда, в основном предметно-зрительного плана его сочинений: романы Дефо — прекрасный пример «фотографической» (или «кинематографической») прозы, читая которую режиссер или оператор не будет ломать голову над тем, что поместить в кадр, — все, что должно там быть, уже описано автором. Во многом благодаря этому и возникает иллюзия достоверности происходящего, то, что зачастую неверно называют «реализмом» Дефо. Однако эти подробные описания, как правило, несут констатирующе-перечислительный характер, они удивительно *безэмоциональны*. Изображать человеческие чувства Дефо не умеет. «И описать невозможно, как жутко мне стало, когда меня впервые ввели сюда, когда моему взору предстали все ужасы этой мрачной обители»; «легче представить себе, чем выразить словами, каковы были теперь мои чувства», — говорит о своем бедственном положении одна из героинь Дефо (Молль Флендерс). «Невозможно описать, в какие страшные и неожиданные формы облекались все предметы в моем возбужденном воображении, какие дикие мысли проносились в моей голове и какие нелепые решения принимал я все время по дороге», — говорит Робинзон, возвращаясь в свою хижину после того, как обнаружил след босой ноги на песке. Эти сухие словесные формулы — характерная черта повествовательного стиля Дефо, он повторяет их постоянно, дабы уклониться от подробного описания душевного мира своих героев. До *реалистического психологизма*, до *подробного и достоверного* изображения человеческих чувств, до *индивидуального* психологического портрета здесь еще очень и очень далеко. Эту дистанцию, кстати, обозначили уже сами реалисты XIX в. Например, Диккенс, создавший множество очень разных человеческих характеров и чрезвычайно эмоционально относившийся к своим персонажам, заметил однажды, что «Робинзон Крузо», при всей его популярности, не заставил ни одного человека в мире рассмеяться или заплакать, и добавил, что, по его мнению, в мировой литературе нет ничего более бесчувственного, чем описание смерти Пятницы. И действительно, в «Дальнейших приключениях Робинзона Крузо» (втором из трех романов Дефо, посвященных Робинзону) смерть Пятницы — второго по важности героя книги — описана так: «... в него полетело около трехсот стрел, (...) и к моему *неописуемому* огорчению бедный Пятница был убит. В беднягу попало целых три стрелы, и еще три упали возле него: так метко дикари стреляли!» Робинзон с репортерской точностью указывает, сколько именно стрел вонзилось в Пятницу и сколько упало рядом; огорчение же его по этому поводу остается, как и в других

случаях, «неописуемым». Больше Робинзон про «бедного Пятницу» не вспоминает ни разу.

Романное творчество Дефо падает в основном на первую половину 1720-х гг.: именно тогда создаются «*Капитан Синглтон*» (1720), «*Молль Флендерс*» (1722), «*Полковник Джек*» (1722), «*Роксана*» (1724). В английской критике эти книги часто называют «второстепенными романами» Дефо (*minor novels*), что отнюдь не означает какой-либо их художественной «неполноценности».

Напротив, все эти романы — шедевры английской прозы XVIII в., и второстепенными они выглядят лишь по сравнению с главной книгой Дефо, с его первым романом «*Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо*» (1719), который навсегда утвердил его имя в истории мировой литературы.

Книга Дефо — яркий пример тогдашней «литературы путешествий»: в Англии начала XVIII в., стремительно «выходившей на моря», были весьма популярны многочисленные отчеты о подлинных и мнимых странствиях по свету, сочинявшиеся купцами, мореходами, открывателями новых земель. У романа был и непосредственный жизненный источник — история шотландского моряка Александра Селкирка, который в 1704 г., поссорившись с капитаном своего корабля, высадился на тихоокеанском острове Хуан Фернандес с небольшим запасом провизии и оружия и провел там четыре с половиной года, пока, наконец, его не подобрало проходившее мимо судно. Об этой истории в британской прессе было напечатано несколько отчетов, один из которых (скорее всего, это была книга капитана Вудса Роджерса, на чьем корабле Селкирк вернулся в Англию), по-видимому, и подтолкнул Дефо к созданию романа о Робинзоне.

В читательском восприятии «Робинзон Крузо» претерпел за несколько столетий ряд заметных метаморфоз: он давно переключался в разряд книг для детей, хотя изначально предназначался отнюдь не детской аудитории, и давно стал считаться чуть ли не эталоном приключенческого романа, хотя событийный план — это лишь внешний и наиболее простой уровень повествования Дефо. За несложной фабулой авантюрного романа скрываются иные, более серьезные жанры и смыслы: проникновенная *исповедь* главного героя перерастает в философскую *притчу* о смысле человеческой жизни, а та, в свою очередь, в квазибиблейскую *аллегория* о скитаниях души в поисках Бога. Но едва ли не в первую очередь книга Дефо (как и все другие просветительские романы) — это своеобразный социально-психологический «эксперимент» над человеческой природой, призванный выявить ее сильные и слабые стороны и возможность ее улучшения. В своем первом романе Дефо проводит этот эксперимент в наиболее «чистых», почти лабораторных условиях: он изымает героя из привычной социальной среды, забрасывает его на необитаемый остров и заставляет провести 28 лет вдали от цивили-

лизации, проверяя, способен ли обыкновенный человек выжить в этой экстремальной ситуации, полагаясь лишь на собственную изобретательность, труд и терпение. Результат этого эксперимента оптимистичен, как само раннее Просвещение — время, когда написан роман: Дефо демонстрирует неисчерпаемые возможности человеческого разума, упорство героя в борьбе с природой и с самим собой, созидательную роль труда, который помогает Робинзону не опуститься, не потерять человеческий облик.

На первый взгляд жизнеописание Робинзона напоминает «воспитательный» роман; в изложении самого героя это — история беспутного юнца, который благодаря горькому житейскому опыту в конце концов встал на правильный путь. Робинзон последовательно, этап за этапом, разворачивает перед читателем канву своей биографии: сперва безмятежное существование в отчем доме, потом — юношеский бунт против воли родителей, побег из дома и начало опасной и трудной моряцкой жизни. Правда, на деле Робинзоном движет не столько тяга к путешествиям и романтика морских странствий, сколько частный интерес и тривиальная жажда наживы. Чуть ли не с первых страниц романа он — *типичный* английский коммерсант, циничный и грубый буржуа, который не брезгует ни плантаторством, ни работоторговлей (причем «пиратской», подпольной работоторговлей, осуществлявшейся в обход закона и государственной казны) и готов отправиться на край света ради скорейшего обогащения. С самого начала своих приключений он только и делает, что старательно копит материальные ценности; даже попав на безлюдный океанский остров, Робинзон превращает его в обустроенное хозяйство и описывает его как практичный хозяин, составляющий реестр своего имущества. Коммерческий склад ума проявляется даже в размышлениях Робинзона на общие, казалось бы, далекие от предпринимательства темы: еще до того, как начать вести дневник, герой Дефо составляет нечто вроде приходно-расходной книги, где с бухгалтерской точностью подсчитывает, словно прибыли и убытки, те преимущества и недостатки, которые сулит ему жизнь островитянина.

Однако именно на острове Робинзон, по его собственным словам, духовно перерождается, становится другим человеком. Оказавшись вне буржуазной цивилизации, где царят эгоизм и жажда наживы, пребывая наедине с самим собой и с природой, Робинзон мало-помалу приходит к новому пониманию жизни. Он не только обучается различным видам труда, но и учится смирять житейские страсти и волнения, смирять свою гордыню. Поначалу ропща на жестокую судьбу, он постепенно убеждается в осмысленности и закономерности всего, что с ним произошло, приходит к мысли, что это — Божья кара за его прежнюю греховную жизнь. Со временем он начинает горячо благодарить судьбу за то, что она даровала ему шанс начать жизнь «с чистого листа», даровала гармонию с самим

собой и с природой, даровала общество верного Пятницы. В финале романа, искупив свои былые грехи, примирившись с Господом и обретя житейскую мудрость, Робинзон возвращается в цивилизованный мир, где ведет иную, чем прежде, жизнь — достойную Человека и угодную Богу. Так, во всяком случае, считает сам Робинзон — *единственный рассказчик* в этой книге, такой выглядит его история *в его собственном изложении*: это путь *воспитания личности* под влиянием времени и обстоятельств, путь, который соответствует воспитательным идеям Джона Локка, проверяет эти идеи судьбой конкретного человека. Именно так восприняли роман Дефо многие просветители, а Руссо даже назвал эту книгу «удачнейшим трактатом о естественном воспитании» человека. Для Руссо Робинзон — пример «естественного человека», «счастливого дикаря», не испорченного современной цивилизацией и живущего в гармонии с природой.

Однако такое понимание образа Робинзона, да и книги в целом, опровергается самим ее текстом. Прежде всего, Дефо — безусловный сторонник идеи социально-исторического *прогресса*, и он вовсе не превозносит «естественного» человека в противовес современной цивилизации. Давно замечено, что Робинзон в своей островной жизни как бы повторяет в схематичном виде основные этапы развития человечества: в силу обстоятельств он сначала занимается охотой и рыболовством, затем земледелием и скотоводством, потом превращается в ремесленника и рабовладельца. С появлением на острове испанца и отца Пятницы он становится основателем колонии, построенной по принципу «общественного договора». Такое движение от варварства к высотам цивилизации — это именно идея прогресса, характерная для XVIII в. и для буржуазного сознания самого Дефо.

Попав по воле судьбы на необитаемый остров, Робинзон не становится от этого «естественным человеком», а его сознание не превращается в локковскую «чистую дощечку». Наоборот, он сполна использует материальный и духовный опыт той цивилизации, продуктом которой является, использует снаряжение и инструменты с погибшего корабля, те знания и умения, которыми снабдил его цивилизованный мир. «Если бы мне не удалось ничего спасти с корабля, я или умер бы с голоду, или жил бы как дикарь», — признается Робинзон, и в этих словах слышится ужас просвещенного англичанина XVIII в. перед «естественным», «дикарским» состоянием.

Образцом «природного человека» у Дефо является, скорее, Пятница, а не Робинзон. Против идеи «естественного человека» говорит и то, что Робинзон живет в природном мире острова в постоянном страхе. Этот мир длительное время остается для него чужим, неизвестным, остается *terra incognita* (уже хотя бы потому, что Робинзон долго не отваживается обойти остров целиком и соответственно не знает ни его размеров, ни его топографии). Робинзон постепенно

осваивает, «цивилизует» этот враждебный мир, отвоевывает для себя «островки безопасности», но в нем все равно остается потенциальная опасность, которая периодически дает о себе знать. Робинзон боится неведомых диких зверей и из-за этого первую ночь проводит на дереве; он опасается, что гроза может уничтожить его запасы пороха; он страшится землетрясения, которое может разрушить его хижину; он до смерти пугается горящих во тьме глаз дикого козла; наконец, след босой ноги дикаря на песке полностью лишает его с трудом обретенного душевного равновесия. Раз за разом подобные происшествия нарушают ровное, размеренное течение его жизни, и всякий раз Робинзон испытывает при этом и страх, и одновременно радость, поскольку встреча с неведомым может обернуться долгожданной свободой. На протяжении повествования он не раз говорит, что вполне доволен своей одинокой жизнью, однако совершенно очевидно, что под маской удовлетворенности скрывается страстная мечта вырваться из островного плена. С этой целью он строит лодку, с этой мечтой он добирается до погибшего испанского корабля, надеясь, что сможет его починить, с этой мечтой он спрашивает Пятницу о близлежащих островах, и т. д.

Собственно, на соседствующих страницах книги нередко содержатся противоположные утверждения: в одних преобладает спокойное довольство жизнью, в других — тайная мечта о возвращении к людям. Читатель не замечает этих противоречий, поскольку и то и другое изложено подкупающе-доверительным, почти исповедальным тоном, Робинзон во всех случаях искренне верит в то, о чем говорит. Однако противоречия эти все же есть, и именно они делают образ Робинзона живым, психологически емким и убедительным.

И все же при всей жизненной и психологической достоверности книги Дефо говорить о ее реализме неправомерно. Более того, образ Робинзона и сама история, рассказанная автором, принципиально *утопичны* и даже *мифологичны*. Так, Дефо подбирает вроде бы вполне правдоподобные мотивировки тому, что Робинзон — сперва охотник и рыболов, потом — земледelec и скотовод, потом — ремесленник и рабовладелец. Но хорошо известно, что цивилизация — это не плод усилий отдельного человека, а результат коллективного труда и противоречивого развития общественных отношений. Подмена коллективного индивидуальным, которая имеет место в романе Дефо, сродни *мифотворчеству*, мифической персонификации.

Хорошо известно, что Александр Селкирк, прототип Робинзона Крузо, за четыре года, проведенные на необитаемом острове, одичал, — Робинзон же, лишившись человеческого общества на 28 лет, не только не опустился, а, наоборот, духовно возвысился и физически возмужал. По сути дела, Дефо создает полный оптимизма и веры в прогресс *буржуазный миф* о человеке, о человеческом разуме, об *индивидуальном* труде как основе преобразования мира. Робинзон,

создающий своими руками окружающий мир, весьма напоминает мифологических «культурных героев», а вся его деятельность на острове повторяет структуру соответствующих мифов. И как всякий мифологический герой, Робинзон, *вопреки его собственным утверждениям*, с течением времени не меняется слишком сильно и в целом остается *равен самому себе*. Эта *принципиальная неизменность, самотождественность героя* маскируется тем, что повествование ведется от первого лица, постоянными утверждениями героя (а другой точки зрения в романе нет) о том, как сильно он изменился за годы, проведенные на острове. Естественная «заинтересованность» Робинзона-рассказчика предполагает определенную субъективность его рассказа, он, безусловно, представляет себя читателю таким, каким хочет себя видеть, т.е. в максимально привлекательном (с его точки зрения) виде. Если же отвлечься от «точки зрения» Робинзона и непредвзято взглянуть на события книги, то она окажется мало похожей на «роман воспитания», а Робинзон — *нормативным героем*, который своей неизменностью напоминает героев классицистической литературы. Конечно, в ходе своих испытаний он мужает, освобождается от юношеского легкомыслия и пустых фантазий, учится разнообразным видам труда и постигает сущность христианской веры. Но он не отказывается — не может отказаться — от того, что привязывает его к жизни, что составляет основу его жизненных интересов. Робинзон был и остается коммерсантом — и первое, чем он интересуется, вернувшись в цивилизованный мир, это доходы с его бразильской плантации. Просто теперь он — не *обычный*, а «*образцовый* английский торговец» (несколько лет спустя Дефо напишет двухтомную книгу с таким названием) — гуманный, законопослушный и обладающий чувством меры. Как и прежде, он занимается работоторговлей, но, по-видимому, уже не «пиратской», а законной, имея в кармане королевский патент («асъенто») на подобные операции: «Прибыв в Бразилию, я купил там и отправил поселенцам парусное судно, груженное различными необходимыми для них вещами. Кроме того, я послал на остров семь женщин, которые могли бы там поступить в услужение или стать женами тех, кто захотел бы на них жениться. Что же касается оставшихся на острове англичан, то я обещал им прислать нескольких женщин из Англии вместе с грузом хозяйственных принадлежностей...» Можно по-разному относиться к такому герою, но очевидно, что Робинзон конца книги воплощает социальный и человеческий идеал самого Дефо; дистанция между автором и героем, не слишком большая уже в начале романа, в финале и вовсе сводится к минимуму.

Успех книги был настолько велик, что в том же, 1719 году Дефо выпустил в свет продолжение «модной» истории — «*Дальнейшие приключения Робинзона Крузо*», а год спустя — «*Серьезные размышления Робинзона Крузо, с его видением ангельского мира*».

Во второй книге описано путешествие героя в Индию, Китай и Сибирь. Робинзон посещает также свой остров, где завершает устройство «идеальной» колонии. Третья же книга является не столько художественным, сколько публицистическим произведением. Дефо пытается здесь придать всей истории Робинзона однозначно религиозный смысл, представить жизнь своего героя как притчу о духовном падении и последующем возрождении человека, как новый «путь паломника» (роман Беньяна «Путь паломника» (1678—1684), одна из любимых книг Дефо-пуританина, служит ему своего рода образцом в этой части трилогии и открыто упоминается в тексте «Серьезных размышлений...»). Стареющий Робинзон серьезно и вдумчиво вглядывается в свой жизненный опыт, пытаясь постичь сам и раскрыть читателю его глубинный религиозный смысл. Этот Робинзон мало похож на островитянина из первого романа — тот, хотя и обращался в трудные минуты к Богу, в целом был умеренно религиозен и чаще полагался на здравый смысл и опыт, на Бога надеялся и сам не плошал.

В характеристике молодого Робинзона религиозное и буржуазное все время соседствуют и как бы уравновешивают друг друга: он забирает с корабля Библию, но *и деньги, подумав, забирает тоже* — бросить этот «ненужный хлам» английский коммерсант XVIII в. не может, рука не поворачивается. Сплоть и рядом трезвое, разумное, практическое отношение к жизни в душе молодого Робинзона берет верх над пуританским мистицизмом: увидав возле своей хижины колосья риса и ячменя, он готов счесть это чудом, даром Небес, но, поразмыслив, герой вспоминает, что сам нечаянно «посеял» эти злаки, вытряхнув на лужайке мешок из-под птичьего корма. «Чудо исчезло, — не без иронии замечает верующий Робинзон, — а вместе с ним, сознаюсь, значительно поостыла и моя горячая благодарность Божьему промыслу». И конечно, настоящим, подлинным Робинзоном для миллионов читателей является именно Робинзон первой книги — смелый, энергичный, деловитый, любящий и умеющий трудиться, — а не кающийся грешник и религиозный философ последнего романа. Именно он стал еще одним «авторским» литературным мифом, еще одним «вечным образом» мировой литературы — наряду с Одиссеем, Фаустом, Гамлетом, Дон Кихотом. Именно первый роман вызвал огромное количество продолжений, подражаний и переработок, именно он породил жанр «робинзонады», прочно укоренившийся в европейской литературе. Огромное количество «робинзонад»-утопий, связанных с темой «естественного человека», порождают уже XVIII—XIX века («Поль и Виргиния» де Сен-Пьера, «Уолден, или Жизнь в лесу» Торо). Тема «робинзона» проникает в развлекательную литературу (романы Купера о Кожаном Чулке, «Таинственный остров» Верна, романы Берроуза о Тарзане). В «высокой» литературе замкнутое пространство острова становится удобной формой проверки различных моделей

социального устройства и человеческого поведения («Остров доктора Моро» Уэллса, «Десять негрятя» Кристи, «Повелитель мух» Голдинга — все это английские авторы, что, по-видимому, связано с устойчивыми особенностями британского «островного» сознания).

Сюжеты более поздних романов Дефо разворачиваются уже в цивилизованном мире, их герои вовлечены в сутолоку людей и дел, в реально-жизненные конфликты современной автору эпохи. Но вместе с тем эти герои — тоже своего рода «робинзоны»: почти все они — сироты и подкидыши, не помнящие родства, все они чувствуют себя бесконечно одинокими в чуждом им мире, все они, подобно островитянину из первого романа, вынуждены вести отчаянную борьбу за существование. В своих «малых» романах Дефо, следуя традициям пикарески, описывает «дно жизни», неприглядную изнанку современного общества — трущобы, воровские притоны, тюрьмы. Подобно персонажам плутовских романов, эти герои Дефо преступают нормы закона и морали, воруют, сводничают, торгуют собой, то и дело спасаясь бегством от правосудия. Однако, нарушая установления общества, они в то же время являются его неотъемлемой частью, и со временем каждый из них возвращается назад, в систему социальных связей, из которой когда-то выпал, и начинает вести вполне респектабельную жизнь.

Герои плутовских романов были деклассированными элементами, порожденными распадом феодального общества; им действительно не было места в новой социальной реальности. В каждом из героев Дефо — бездомных бродяг, потенциальных висельников — сидит потенциальный буржуа, и логика событий приводит каждого из них к «тихой пристани», к преуспеянию и благополучию. Моль Флендерс, дочь каторжанки, рожденная на свет в тюрьме и в ходе своих скитаний едва не угодившая на виселицу, в конце концов становится владелицей богатой плантации и ведет вполне безбедное существование. Оборвыш Джек, по кличке Полковник, с детства воровавший на лондонских рынках, а позднее оказавшийся рабом на американской плантации, сам становится в конце романа плантатором и рабовладельцем. Не гнушаясь никакими средствами, руководствуясь лишь принципом личной выгоды, герои Дефо завоевывают себе «место под солнцем», и их истории, написанные от первого лица, становятся своеобразным саморазоблачением эпохи и образцами «антивоспитательного» романа.

Особняком от этих книг стоит последний роман Дефо — *«Счастливая куртизанка, или Роксана»*. Психологический элемент в этом произведении явно преобладает над авантюрным, а сюжетное действие — впервые у Дефо — завершается трагически. Главная героиня — мать зажиточного буржуазного семейства — после того, как ее муж, промотавшись, бежал за границу, подкидывает детей дальним родственникам и идет на содержание к богатому купцу. Дальнейшая история Роксаны — это карьера куртизанки,

переходы от одного богатого любовника к другому, все выше поднимающие ее по социальной лестнице. Однако на вершине ее светских успехов прошлое неожиданно и трагически напоминает ей о себе. Роксана начинает инкогнито оказывать помощь своим детям, которые служат в чужих домах, но ее старшая дочь Сьюзан догадывается, что неизвестный покровитель — ее собственная мать. Она выслеживает Роксану, встречается с нею и пытается выудить у нее признание. Расчетливая и опытная авантюристка теряется, не зная, как ей поступить: она и хочет открыться дочери, и смертельно боится ее, поскольку настырная девица, доискиваясь правды, может разрушить ее новый респектабельный брак, раскрыть ее подлинное имя и ее темное прошлое. Роксана пытается скрыться от Сьюзан, уезжает из Лондона, но та упорно следует за ней по пятам с упрямством охотницы, преследующей дичь, и шантажирует возможным разоблачением. В конце концов у Роксаны сдают нервы, и ее подруга и наперсница Эми подсказывает ей решение, на которое героиня молчаливо соглашается: назойливую преследовательницу необходимо убрать с дороги. Собственное благополучие и репутация оказываются для Роксаны важнее, «естественнее» естественных материнских чувств. В финале книги Сьюзан загадочным образом исчезает, и о причине ее исчезновения красноречиво свидетельствуют ночные кошмары Роксаны, видящей во сне свою мертвую дочь, а также «ужасающая череда бедствий», выпадающих на долю Роксаны и Эми после нескольких лет внешне благополучной жизни. Поруганное материнство мстит за себя — таков самый эмоциональный и драматичный мотив романа, таков смысл жизненной катастрофы главной героини. Творчество Дефо-романиста завершается на трагической ноте — завершается беспощадным нравственным судом над индивидуализмом, над эгоистической свободой, которую исповедует Роксана.